

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

ПОЕХАЛИ!

РАССКАЗЫ

Тимофеевка — деревня на весёлом зелёном холме. Поля вокруг холма впервые за последнюю тысячу лет не засеяны...

Домов с полста ещё будет в деревне, с дворами, банями, огородами. Есть даже Дом культуры — кирпичная полуразрушенная коробка, есть притулившиеся с крайчику мастерская и ферма. Есть даже церковка, потому что когда-то Тимофеевка и не деревней была, а селом. Не совсем ещё церковь восстановлена, но недавно была освящена и на праздничные службы приезжает монах-священник отец Илья...

Есть и контора бывшего колхоза “Передовик”, потом сельхозкооператива, потом какого-то ЗАО, а теперь и непонятно чего.

У конторы сегодня выстроились в рядок блестящие иностранные машины. По Тимофеевке от дома к дому, от двора к двору — говорок: “Покупатель приехал!”

На втором этаже конторы, в светлом кабинете за длинным столом сидят люди. Совещание. На стене кабинета — карта-схема предприятия и фотография в рамке: по-пляжному загорелый мужчина в чёрных очках и пёстрой рубашке — бывший генеральный директор ЗАО.

Очень аккуратный, в костюме, при галстукe, в рубашке с твёрдым воротником, с безупречным пробором в аккуратнейшей причёске, неопределённо

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. После школы служил в армии, занимался спортом. Рассказы, повести публиковались в журналах “Наш современник”, “Алтай”, “Подъём”, “Москва”, “Воин России” и других. Лауреат конкурса им. В. Шукшина “Светлые души”. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

мо-среднего возраста человек — арбитражный управляющий, готовивший предприятие к продаже.

Рядом, по правую руку от управляющего, — плотный, невысокий, со светлыми волосами и коричневым загорелым лицом, в клетчатой рубашке с короткими рукавами — начальник управления сельского хозяйства района.

В клетчатом пиджаке, на лацкане которого флажок-триколор, в очках в золотой оправе — депутат областной Думы.

Напротив той троицы, через стол: в розовом пиджаке и голубой под ним рубашке, улыбочивый рыжий человек средних лет — покупатель. Справа от него — похожий на арбитражного управляющего, как родной брат, аккуратный молодой человек. Слева — непонятная девица, крашеная брюнетка с синими квадратными ногтями...

Единым серо-молчаливым островком в углу стола — специалисты хозяйства: главный агроном, главный зоотехник, ветеринар, инженер, ещё кто-то...

— Крайне важно сохранить “Передовик” как сельхозпредприятие, — строго сказал начальник управления сельского хозяйства.

— Мы... в свою очередь... — деловито проговорил арбитражный управляющий.

Депутат молча, многозначительно кивнул.

Покупатель расплылся в улыбке. Молодой человек, похожий на арбитражного управляющего, деловито ответил:

— Мы... разумеется...

Неожиданно подала голос девица:

— Пони заведём!

После паузы, начальник управления выговорил:

— Какое пони?

— Ну, такое! — ответила девица.

Покупатель улыбался.

Совершалась формальность — передача бывшего колхоза-кооператива ЗАО в новые богатые руки. Чем будет заниматься тут покупатель — только он теперь и решал...

В это же время в мастерской на окраине деревни сидели мужики-механизаторы. Ждали вестей из конторы, разговаривали... Тут же стояли четыре многократно перебранных их руками трактора, сеялка, ещё какие-то механизмы, сварочный аппарат, кувалда...

Мастерская была из силикатного кирпича, сорок лет назад строенная; её прохуdivшаяся крыша залатана кусками рубероида и шифера. В некоторых окнах нет стёкол, они затянуты клеёнкой...

— Серёга, картошку-то посадили?

— На той неделе ещё! А вы?

— И мы... Иваныч, а ты опять не сажал?

Иван Иванович — по виду самый старший, бородатый, могучий мужик отвечает:

— Нет. Зачем мне?.. А зато у меня хрен-скоропелка по всем грядкам растёт. Хорош хрен!

— Хрен овощь нужная! — смеются мужики.

И тут пришёл из конторы числившийся бригадиром механизаторов Витя Заботов — худенький незаметный мужичок. Незаметный, но церковь-то именно он два года назад начал восстанавливать, сначала один, а потом и помощники появились...

— Ну, чего, Витя? — все на него уставились.

— Плохо дело, не будут сеяться, — ответил Витя, присаживаясь на замасленную скамью у стены.

— Эх, были бы семена — сами бы посеяли! — Серёга Иванов досадливо махнул рукой.

Все угрюмо молчали.

В это же время от конторы разъезжались зловеще блестящие под солнцем лакированные машины...

— Ну, что, мужики, пожалуй, пора, — первым подал голос Иван Иванович, выпрямляясь во весь свой богатырский рост.

И вскоре механизаторы разошлись из мастерской с важной новостью.

И стали люди готовиться: чистили свои дома и дворы, обихаживали, у кого была, скотинку, и сами одевались в чистые белые одежды...

Явившийся непонятно откуда отец Илья отслужил вечернюю службу, после которой все снова разошлись по своим дворам. А отец Илья встал на монашескую молитву...

Иван Иванович вошёл в мастерскую, открыл неприметную железную дверцу, за которой вроде бы скрывался электроцит. Но на нём была всего лишь одна заплывшаяся красная кнопка. Тут же, рядом с кнопкой, лежал микрофон без всякого провода. Но когда Иван Иванович сказал: “Внимание, внимание!” — все в Тимофеевке услышали его. Будто из невидимого большого репродуктора зазвучал его голос. Люди торжественно замерли. “Объявляю готовность номер один!” И тут на Иване Ивановиче, на отце Илье, на стареньком председателе колхоза “Передовик” Пенькове, на всех-всех жителях Тимофеевки появились прозрачные сферы, от плеч наглухо закрывшие их головы. В тот же миг весь холм с раскинувшейся на нём Тимофеевкой накрылся прозрачным куполом. Небо бескрайней звёздной картой раскинулось над холмом.

— Начинаю обратный отсчёт, — звучал торжественный голос. — Пять, четыре, три, два, один...

— Поехали! — единым духом выдохнула Тимофеевка.

Когда на следующее утро приехала блестящая чёрная машина и из неё вылез покупатель и его свита... Не было холма. Не было Тимофеевки. Только лопушился на плоской земле хрен.

ПОЕЗДКА В СИБЛУ

— А поехали в Сиблу, — сказал старинный мой приятель Александр, — дом мой деревенский увидишь, за грибами ходим.

— Сибла? Это на Кубене? Это где Астафьев жил?

— Да, дом, в котором он жил, напротив моего.

— Поехали!

На следующее утро выехали из Вологды в сторону Харовска. Миновали разбросанный, то совсем на деревню похожий, то вполне город Сокол. Пересекли спокойную серую Сухону... Осеннее разноцветье придорожного леса. Серая стерня полей, с которых сняли урожай... И всё чаще — запущенные, не выкошенные, уже зарастающие ивняком либо осинником дуга, мёртвые остовы ферм и сенных сараев...

Деревеньки, в которых по большей части живут нынче городские “дачники”. Правда, многие дачники и были выходцами из этих деревенок...

Вот и Александр в родовой свой дом везёт меня — сам-то уже городской, а корни оттуда — из Сиблы. В детстве он каждое лето туда приезжал.

Я тоже в детстве каждое лето приезжал в деревеньку Суворово в Грязовецком районе. Недавно собрался, съездил туда... Брёл среди травы, что выше меня ростом, боясь провалиться в старый пруд либо колодец... Одна стена отцовского дома почему-то ещё не рухнула, да ещё сосенка, которую он сажал, большим деревом стала. Один дом на всю деревню всё же остался. В доме раньше жила большая крепкая семья, и дом был крепкий, под железной крышей, с обширным скотным двором... Сейчас — осевшая в землю потемневшая избушка. Встретила меня там женщина, когда я назвался, всплеснула руками. “А меня-то узнаёшь?” — спросила. “Нина”, — вспомнил я одну из сестёр. “Нет, Тамара...”

Саша счастливый: Сибла его жива, и дом его жив. Жив и тот дом, в который на протяжении десяти почти лет приезжал из Вологды Виктор Петро-

вич Астафьев. В августе меня приглашали на мероприятие, посвящённое его 90-летию, — устанавливали на доме памятную доску. Я тогда не смог поехать. Еду сейчас...

Возраст меняет людей. Александр — спортсмен, бизнесмен и рыбак, человек практичный и, казалось всегда, не сентиментальный, тоже как-то мягче стал... “Я даже стихотворение написал, про дом в Сибле”, — сказал он мне вдруг.

А может, возраст и не меняет человека, а просто сам человек постепенно приоткрывает в себе то, что раньше почему-то скрывал. Как в песне поётся: “Чем дольше живём мы, тем годы короче, тем слаще друзей голоса...” Все ведь мы понимаем, что годы всё короче и короче...

...Я потом уж, на страничке Александра “ВКонтакте” прочитал это стихотворение. Хотел сначала поправить его, а потом решил, что не надо, иначе это уже не Сашино будет стихотворение...

*Приезжайте в деревню на лето,
Отыщите там свой уголок.
Скромный домик, оставленный кем-то,
В кухне печь, невысок потолок,
Два окошка, крылечко простое
Вас с любовью всегда приютят,
И берёза с кроной густою,
Ласточки в дом прилетят.
Вас под утро разбудят их трели,
Сладкий воздух ворвётся в окно.
Вы такой вкусной каши не ели,
Так легко не дышали давно.
Зачерпнуть из колодца водицы,
Босиком постоять на траве,
Тишиной можно тут упоиться,
В деревянной сибской избе,
По грибы в ближний лес прогуляться,
На крыльце посидеть, подышать,
И с любимой в реке искупаться,
И на печку отправиться спать.
Всё здесь тёплое, всё здесь простое,
Сердце здесь не стучит, а поёт,
И деревня эта зовётся Сибла.
Сибла всегда меня ждёт.*

Мы сворачиваем с асфальтовой трассы, минуем останки телятника и водонапорной башни и въезжаем в Сиблу.

Улица выкошена, дома крепкие. Есть даже двухэтажный старинный дом — и всё в нём и вокруг него аккуратно и надёжно... Сашин дом небольшой, обычный деревенский — и в доме печка, стол, окна... Всё, как и в моём деревенском детстве.

А прямо из окна виден тоже крепкий большой дом с палисадом, с широкой яблоней перед окном, с берёзой, наполовину закрывающей фасад.

— Вот это и есть его дом.

Пошли туда. Нынешнего хозяина дома сейчас нет, в городе, конечно. Но видно, что человек хозяйственный. И дом, и подворье в порядке содержат. На стене дома — доска с надписью “В этом доме...” и т. д.

За домом — сосны и кедр, который посадил сам Астафьев. Да, вот сюда он от городской и людской суеты и уезжал с женой — верной помощницей, здесь и писал, и на рыбалку ходил на речку Кубену...

Подошёл другой сосед, рассказал, что они, мальчишки, как-то раз в отсутствие Астафьевых пробрались тайком в дом, чтобы посмотреть единственный в ту пору в деревне телевизор. “Но ничего там не наварзали, только телек посмотрели, и всё...” — вспоминает уроженец Сиблы, а ныне тоже городской житель.

Ещё он вспоминает:

— Астафьев рыбачил не как мы, местные. Мы ловили рыбу в тихих местах, а он всегда на стремнине! И всегда он был с уловом!

Ну да, сибиряк Виктор Астафьев рыбу ловить умел! И не только мелковатую для него кубенскую рыбёшку ловил он здесь, на северной речке, в дальней деревеньке — здесь он “вылавливал” и главы своей “Царь-рыбы”, здесь писал главы “Последнего поклона”...

Очень верно о нём один местный житель сказал: “На стремнине”. Да-да, так он и жил, и писал — на стремнине. На самом быстром, норвящем сбить с ног течении.

Вправе ли мы судить его — детдомовца, фронтовика с ранениями за то, что не всё и не всем нравится в его рассказах и повестях?..

Да вправе ли мы вообще кого-то судить...

Яблок в этом году очень много. Вот и под астафьевской яблоней всё усыпано, и на ветках густо висят...

Я взял несколько яблок с земли — они помягче, безопасней для некрепких зубов. Обтёр одно, попробовал — сладкое с горчинкой.

Вышли со двора, и сразу даль распахнулась. Сибла-то на горе. Вон шуршит, сверкает на солнце Кубена, за ней — леса, леса...

Наверное, Астафьев искал место, напоминавшее ему сибирские просторы. Нашёл. А всё же родина перетянула. Не зря же и кедр у дома посадил, не зря в закубенские дали глядел — Сибирь вспоминал.

Туда, где в Енисее ещё водится таймень, где кедрячи покрывают склоны увалов, туда — в детство и юность свою уехал. Но и на нашей земле память по себе оставил, да и с нашей земли многое с собой прихватил...

...Грибов мы с Александром мало в тот день нашли, но это уже не имело значения. Я нашёл гораздо большее... Не скажу, что...

А вспомню его слова, которыми он заканчивает книгу всей своей жизни (сорок лет писал!) “Последний поклон”: “Вот на вере в чудо, способное потушить пожар, успокоить мёртвых во гробе и обнадёжить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего: “Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!”